

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Научная статья

УДК 327(470:510.4) “1931/1940”

doi: 10.17223/19988613/79/14

О механизме советского экономического и политического проникновения в Синьцзян (1931–1940 гг.)

Ирина Владимировна Волкова¹, Валерий Владимирович Иванов²

^{1,2} *Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия*

¹ *mlee1992@mail.ru*

² *sir.vv-ivanov@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу советского внешнеполитического курса в отношении китайской провинции Синьцзян в 1931–1940 гг. Рассмотрен внутренний механизм распространения советского влияния в Восточном Туркестане, выявлены факторы, обеспечившие Москве укрепление позиций в Синьцзяне во второй половине 1930-х гг., проводятся параллели между фактической и официально декларируемой НКВД СССР политической линией. На основе архивных материалов дана характеристика обстановки в Северо-Западном Китае в оценке мировых информационных агентств (в переводе корреспондентов ТАСС для служебного пользования).

Ключевые слова: внешняя политика; советское влияние; СССР; Синьцзян; Восточный Туркестан

Для цитирования: Волкова И.В., Иванов В.В. О механизме советского экономического и политического проникновения в Синьцзян (1931–1940 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 79. С. 114–122. doi: 10.17223/19988613/79/14

Original article

About the mechanism of Soviet economic and political dissemination into Xinjiang (1931-1940)

Irina V. Volkova¹, Valery V. Ivanov²

^{1,2} *Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation*

¹ *mlee1992@mail.ru*

² *sir.vv-ivanov@yandex.ru*

Abstract. The article gives a detailed analysis of foreign policy of USSR in respect of Chinese province Xinjiang in 1931–1940. The main objective of the research is to analyze political arrangement expansion of Soviet influence in East Turkestan, as well as to examine determinants which assure a powerful position in Xinjiang during the second half of the 1930s. It is based on academic works of Soviet, Russian and foreign historians which were published in the documents from the State Archive of the Russian Federation. Main political methods of Moscow state apparatus are considered in the paper. The factual and official political lines from People's Commissariat of Foreign Affairs of USSR are compared. Moreover, the situation with International News Agencies in North-western China is described.

During 1931–1940 USSR pursued a policy of economic and political penetration in Xinjiang. The Government of the Soviet Union took advantage of a situation in which the Republic of China was weak and, with the support of the local administration of the USSR, expanded its influence over the zone. The course was conducted into four groups. The first was military intervention and the cessation of protests by Muslim radicals in the province. Secondly, Soviet state organized the State security organs similar to those of USSR. Furthermore, Soviet military advisers always attended in Urumqi. Thirdly, Soviet Union implemented communist ideals of socialist or national equalities. Ideology work was led among the Government forces and the civilian population. Fourthly, a number of trade contracts raised in East Turkestan and the Soviet state.

Soviet support helped to strengthen the regime of Sheng Shicai in Northwest China. This led to the strengthening of Urumqi's economic and political dependence on Moscow. The growing influence of the USSR in the region was

accompanied by the dissemination of information in world news agencies about the USSR's attempts to "Sovietize" and separate the province from China. With Japan's outbreak of full-scale warfare in central China in 1937, Xinjiang became an exceptionally important transit region for the transport of arms and military equipment to the People's Revolutionary Army. This forced Chiang Kai-Shek to reconcile with Soviet presence in East Turkestan. This mechanism of bilateral relations allowed Moscow to maintain its influence in Xinjiang until the early 1940s.

Keywords: foreign policy, Soviet influence, USSR, Xinjiang, East Turkestan

For citation: Volkova, I.V., Ivanov, V.V. (2022) About the mechanism of Soviet economic and political dissemination into Xinjiang (1931-1940). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 79. pp. 114–122. doi: 10.17223/19988613/79/14

Во второй четверти XX в. особую роль во внешней политике Англии, США, Японии и СССР продолжал играть вопрос о разделении сфер влияния в Китае. Вместе с тем серьезным препятствием для экономической экспансии указанных государств стал рост в Поднебесной национально-освободительного движения, получившего широкое распространение в ходе Синьхайской революции. Сформированное в 1927 г. в Нанкине партией Гоминьдан (ГМД) Национальное правительство Китайской Республики объявило курс на создание сильного и независимого государства. Однако в начале 1930-х гг. процесс централизации власти не был завершен. В стране продолжалась гражданская война, главными противоборствующими силами в которой стали недавние союзники – Гоминьдан и Компартия Китая (КПК). В этой ситуации правящие круги Англии и США, имевшие экономические интересы на юге Поднебесной, пошли на сближение с нанкинской администрацией. Данная позиция объяснялась тем, что Вашингтон и Лондон рассматривали ГМД как наиболее эффективного противника прокоммунистическим силам.

В отличие, от США и Великобритании, правительство Японии действовало более радикально. В 1931 г. Токио развернул военную интервенцию в северо-восточном Китае. Оккупация Маньчжурии и создание на ее территории марионеточного государства стали первым шагом Токио к завоеванию Поднебесной. Это создавало перспективу расширения агрессивной политики Страны восходящего солнца на Монголию и дальневосточные субъекты Советского Союза.

Позиции СССР в Китае в первой четверти XX в. были крайне слабы. В конце 1920-х гг. усилившиеся идеологические разногласия между Москвой и Нанкином привели к прекращению ими военно-политического сотрудничества, а в ходе конфликта на КВЖД – и к разрыву между ними дипломатических отношений до 1932 г. Опорные базы китайских коммунистов, на которые в этот период ориентировалась Москва, были блокированы войсками Чан Кайши и оказались в критическом положении.

В данных обстоятельствах внимание Кремля было обращено к Восточному Туркестану (Синьцзяну) – северо-западному региону Китая, пограничному с СССР и Монгольской Народной Республикой (МНР). Отличительной особенностью Синьцзяна был сложный национальный состав. В регионе проживали представители 18 национальностей: монголы, дунгане, казахи, доланы и др. Подавляющее большинство 4-миллионного населения составляли уйгуры, по разным данным от 70 до 87,5% [1. С. 21; 2. С. 36]. Процент этнических

китайцев был ничтожно мал – около 5% [1. С. 21]. Следствием силового присоединения Синьцзяна к Поднебесной в XVIII в. и политики этнической дискриминации, осуществлявшейся маньчжурской администрацией, стало непримиримое национальное противостояние, которое часто выливалось в антикитайские восстания. Традиционно главной целью этих выступлений были отделение от Цинской империи и создание независимого государства. Часто восстания фактически трансформировались в партизанские войны неханьского населения против властей, которые могли продолжаться десятилетиями. Немаловажное значение при этом имел исламский фактор.

Внешнее вмешательство в вопросы межнациональных отношений оказывало дополнительное дестабилизирующее воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию в регионе. Еще в XIX в. в Синьцзяне пересеклись интересы России, Китая, Англии и Османской империи. В 1860-е гг. Великобритания и Турция официально признали руководителя очередного восстания в Кашгарии Якуб-бека как главу суверенного государства Йетти-шара. Кроме того, Лондон и Константинополь оказали повстанцам широкую военную и экономическую помощь. Целью подобного курса являлась попытка воспрепятствовать проникновению России в восточные районы Средней Азии, а также снизить влияние Китая. Власти русского Туркестанского края по-своему воспользовались восстанием Якуб-бека, заключив с ним торговый договор. Жестокое подавление маньчжурскими войсками восстания в Кашгарии в 1877–1878 гг., фактически представлявшее геноцид уйгуров и дунган, вызвало протест правительства России и введение русского воинского контингента в Илийский край. Последнее спасло коренное население Кашгарии от полного истребления. Заключение между Санкт-Петербургом и Пекином Ливадийского (1879) и Петербургского (1881) договоров, утвердивших демаркацию границы между двумя империями в западной части Илийской долины, не удовлетворило китайские власти. Это неоднократно приводило к осложнениям в отношениях между Россией и Поднебесной [3. С. 442–443].

В первой трети XX в. Синьцзян трижды становился местом массовой эмиграции из среднеазиатских субъектов Российской империи и СССР: в 1917 г., во время подавления русскими войсками крупного национального восстания в Туркестане; в 1920 г., в период отступления в Китай формирования атаманов Дутова и Анненкова; в начале 1930-х гг., в период проведения сплошной коллективизации в Казахстане и Киргизии. Кроме того, в приграничных районах длительное вре-

мя действовали десятки вооруженных антисоветских банд, занимавшихся террором, контрабандой, наркоторговлей, угоном скота на сопредельную территорию. Борьба с ними осложнялась не только пассивным поведением местного населения, но и отсутствием полицейско-административного контроля, неэффективностью работы службы пограничной охраны. Приток десятков тысяч беженцев в один из беднейших приграничных регионов Поднебесной создавал серьезные проблемы как для Китая, так и для СССР.

Традиционно одной из главных причин эскалации сепаратистских настроений в Синьцзяне были крупные внутривластные и внешнеполитические кризисы в Китае. В XIX в. это особенно наглядно было продемонстрировано во время выступлений религиозных сект (1810–1820-е гг.), восстания тайпинов (1850-е гг.), опиумных войн. Удаленность региона от крупных административных центров, практически полное отсутствие транспортных коммуникаций и собственной промышленной базы были основаниями для определенной хозяйственной автономии Синьцзяна. Эти обстоятельства в известной степени обуславливали слабость в нем аппарата центральной власти. В 1931 г. в провинции началось восстание уйгуров и подразделений 36-й дунганской дивизии, продлившееся три года [2. С. 36]. Таким образом, во второй четверти XX в. Синьцзян оставался одним из самых нестабильных субъектов Китая.

Однако если для Нанкина обстановка в Синьцзяне в начале 1930-х гг. угрожала потерей контроля над регионом, то Москва, напротив, использовала ее для усиления своих позиций. Интересы СССР в Синьцзяне заключались в следующем. Во-первых, необходимо было не допустить консолидации в Восточном Туркестане антисоветского движения, противодействовать вооруженным отрядам белогвардейцев, их пополнению из среды русских эмигрантов, вести борьбу с басмачеством в приграничных регионах. Во-вторых, было важно не допустить распространения экспансии Токио на запад вдоль советских границ. Восточный Туркестан, как и Монголия, мог стать буфером, в противовес марионеточному режиму Пу И в Маньчжурии. Японские спецслужбы не исключали возможность использования исламских сепаратистов Синьцзяна для новой эскалации антисоветских настроений в Средней Азии. Несмотря на ликвидацию крупных бандформирований в начале 1930-х гг. в Казахстане, Узбекистане, Туркмении и Таджикистане, на территории Афганистана и северо-западного Китая продолжали находиться десятки тысяч участников басмаческого движения, готовых при благоприятной политической обстановке и широкой иностранной военной помощи выступить против СССР [4. С. 77–78]. В-четвертых, территория Синьцзяна могла стать коридором для оказания Москвой материальной помощи китайским коммунистам.

Однако в своих действиях Кремль был вынужден соблюдать предельную осторожность. Давление с его стороны на Урумчи, попытка установления в регионе просоветского режима или отторжения Синьцзяна могли повлечь обострение отношений как с Китаем, так и с Японией. В этом случае нельзя было исклю-

чить вероятность соглашения между Нанкином и Токио о совместном противодействии СССР. Следствием этого стала двойственная политика, проводимая Москвой в отношении Синьцзяна. С одной стороны, СССР выступил за пресечение сепаратистских настроений в провинции, с другой – активизировал политику, преследующую цель включить Восточный Туркестан в собственную зону влияния.

Как уже указывалось, в 1931 г. мусульманское население Синьцзяна подняло восстание под лозунгами создания независимого исламского государства. Руководство СССР ответило отказом на просьбу руководителей выступления о помощи. Опасения Москвы вызывал тот факт, что победа повстанцев могла быть использована японскими и английскими спецслужбами в антисоветских целях. Следует отметить, что доказательства вмешательства Токио и Лондона в синьцзянские события с целью дестабилизации обстановки в регионе посредством финансовой поддержки антиправительственных выступлений содержатся в материалах периодической печати. В 1934 г. в публикации американского еженедельника «Нью Рипаблик» сообщалось, что «японцы посылают деньги и оружие мусульманским северным племенам... на основании веских данных выдвинуто обвинение, что южные повстанцы вооружены британскими винтовками и получают непосредственные директивы от английских агентов в Кашгаре» [5. С. 27]. Французская газета «Эр Нувель» от 8 апреля 1934 г. также связывала развитие пантуркистского движения в Синьцзяне с результатом деятельности британских и японских агентов [Там же]. На этом фоне нельзя было исключать, что подъем сепаратизма среди мусульманских народов на северо-западе Китая мог послужить толчком к росту аналогичных настроений в среднеазиатских субъектах СССР. По утверждению турецкого историка Иса Юсуфа Алптекина, «в случае создания в Восточном Туркестане независимого от Китая национального правительства и его признания нациями мира эта ситуация могла стать прецедентом для Западного Туркестана» [1. С. 78]. В результате Кремль, заинтересованный в безопасности собственных среднеазиатских границ, принял решение оказать поддержку Провинциальному правительству в Урумчи, возглавляемому дубанем¹ Чин Шуеном (Цзинь Шужэн), а с 1933 г. пришедшим к власти в результате переворота генералом Шэн Шицаем (Цзинь Юн), лояльным к гоминьдановскому режиму².

Заключение 1 октября 1931 г. секретного торгового соглашения с Чин Шуеном стало отправной точкой для оказания Москвой военной помощи Урумчи. В начале 1930-х гг. войска Красной Армии (РККА) при содействии местной администрации развернули борьбу с очагами басмачества в приграничных районах. В июле 1932 г. была проведена совместная советско-китайская операция по ликвидации киргизских отрядов в Западном Синьцзяне [7. С. 124]. Следует учесть, что подобное сотрудничество не являлось исключительным. В 1929 г. подразделения ОГПУ СССР, заключив соглашение с властями ряда провинций северного Афганистана, при активной поддержке местного населения разгромили несколько баз и нанесли серьезный урон

бандформированиям Ибрагим-бека, находившимся на территории сопредельного государства [4. С. 79].

С установлением режима Шэн Шицая одним из важных шагов по его поддержке стало возвращение в Поднебесную через Восточный Туркестан частей китайской армии, вытесненных из Маньчжурии японскими войсками и интернированных в декабре 1932 – январе 1933 г. на территории советского Дальнего Востока. При их участии удалось ликвидировать угрозу для осажденной повстанцами столицы провинции.

В конце 1933 г. СССР оказал помощь Шэн Шицаю в отражении наступления дунганского генерала Ма Цзуина. В Синьцзян были направлены части кадровой советской Красной Армии в составе полка РККА и 13-го алма-атинского полка НКВД численностью около 7 тыс. чел. (по другим данным 10 тыс. чел.) усиленные бронетехникой, авиацией и артиллерией [8. С. 175]. На время проведения командировки эти части получили название «Алтайской добровольческой армии» и были экипированы в форму русской императорской армии. Командующим группировкой был назначен заместитель начальника Главного управления погранохраны и войск ОГПУ (с июля 1934 г. – Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД) Н. Кручинкин. Советниками дубаня стали опытный разведчик А.К. Маликов и П.С. Рыбалко, будущий маршал бронетанковых войск СССР, на тот момент выпускник Военной академии имени М.В. Фрунзе [Там же].

К сотрудничеству также были привлечены вооруженные отряды из числа русских эмигрантов, состоявших на службе у Шэн Шицая. Наиболее крупными из них были соединения под командованием полковника Паппенгута³. Серьезным мотивом для бывших белогвардейцев стало обещание амнистии и предоставления гражданства СССР после окончания боевых действий. Что касается Паппенгута, то он не изменил своих антисоветских взглядов. Впоследствии он был арестован и расстрелян. В то же время готовые к компромиссу отряды были переформированы и поставлены под контроль командиров РККА. Тем не менее в ходе синьцзянской операции на многие руководящие должности были назначены бывшие белые офицеры. Так, должность начальника штаба Южного фронта занял И. Лунченков (отставной войсковой старшина), войсковую разведку возглавил А.Н. Борковский (бывший поручик Дроздовского полка), службу в качестве командира конной группы продолжил В.Д. Константинов (офицер армии атамана Дутова) [7. С. 128–129]. После стабилизации обстановки контингент РККА был выведен в СССР. В Синьцзяне остались кавалерийская группа численностью от 350 до 1 000 чел. и несколько десятков военных советников [10. С. 369–370].

Таким образом, в начале 1930-х гг. СССР удалось существенно укрепить свои позиции в Восточном Туркестане. Во-первых, был ликвидирован очаг антисоветских настроений в Северо-Западном Китае, взяты под контроль укrywшиеся в провинции белогвардейские формирования. Во-вторых, Москва заручилась поддержкой местной администрации, заинтересованной в дальнейшем сотрудничестве не только в военной сфере, но и в вопросах экономики и политического

строительства. В-третьих, СССР получил возможность сохранить свое военное присутствие в регионе и использовать советнический аппарат для ведения пропагандистской работы в войсках провинциального правительства. Завершение спецоперации РККА–НКВД в Синьцзяне способствовало дальнейшему вхождению региона в зону советского влияния.

При этом, формально выступая под лозунгами защиты центральной власти, подавления сепаратизма и сохранения внутривластной стабильности в Поднебесной, Кремль получил возможность продолжить диалог с Нанкином, не дав повода для обвинений во вмешательстве во внутренние дела Китая. В директивах о работе с Синьцзянем Политбюро ЦК ВКП(б) от 3 августа 1933 г. по этому поводу указывалось: «Считать нецелесообразным в данное время и в данных условиях поддерживать в районах движения, направленные к полному отделению от урумчинского правительства, занимая, однако, благоприятную позицию в организации более широкого местного самоуправления в тех районах, где нет оснований ожидать успеха деятельности английской или японской агентуры» [11. С. 194]. Эта линия была продолжена в сообщении заместителя НКВД Г.Я. Сокольников полпреду СССР в Китае Д.В. Богомолу: «Мы будем проводить твердую линию на сохранение суверенитета Китая в Синьцзяне и ни в коем случае не будем поддерживать какие-либо сепаратистские движения» [12. С. 20]. Схожие рекомендации содержались и в письме НКВД Б.С. Стомонякова к Д.В. Богомолу от 9 июля 1934 г. относительно позиции, которую советскому полпреду надлежало занять в беседе с Чан Кайши: «...Вы можете в самой решительной и категорической форме заверить Чан Кайши в том, что мы стремимся лишь к сохранению Синьцзяна за Китаем и не хотим допустить, чтобы Синьцзян стал <...> орудием в руках империалистических сил, одинаково враждебных СССР и Китаю» [11. С. 311].

В адрес Урумчи советское руководство сделало аналогичные заявления. 27 июля 1934 г. генеральному консулу СССР и советнику Шэн Шицаю Г.А. Апрессову было направлено письмо И.В. Сталина, В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, содержавшее разъяснения относительно политики Москвы. В документе указывалось: «Первое – СССР стоит твердо и непоколебимо на точке зрения целостности Китая... Второе – мы поддерживаем Шэня только потому, что считаем территориальную целостность Китая целесообразной и желательной не только с точки зрения Китая, но и с точки зрения СССР. Третье – ...пока Шэн будет вести борьбу против японских и других иностранных империалистических агентов вроде Ма Чжунина, он может рассчитывать на поддержку СССР. Четвертое – советизация Синьцзяна в какой бы то ни было форме не входит в наши планы, и мы считаем опасной всякую мысль о советизации Синьцзяна и присоединении его к советским районам Китая» [Там же. С. 317].

Данные маневры Кремля преследовали цель ослабить внимание Нанкина к Синьцзяну, стабилизировать отношения и заручиться лояльностью Национального правительства к политике СССР в Восточном Турке-

стане. Курс Чан Кайши был основан на идее защиты суверенитета, объединения и возрождения Китая, что требовало от Национального правительства отстаивания своих прав на Синьцзян. С точки зрения лидера ГМД, советское присутствие в Восточном Туркестане было эквивалентно японской оккупации Маньчжурии [13. С. 146]. Однако и в Москве, и в Нанкине понимали, что Гоминьдан не имеет достаточных военных сил и политического влияния на окраинах республики, чтобы противодействовать СССР. Дипломатические маневры должны были служить прикрытием советского проникновения в Синьцзян. Кроме того, это позволило бы Чан Кайши сохранить свой политический авторитет. Последнее имело важное значение для Москвы, поскольку в условиях продолжавшейся гражданской войны в Китае, угрозы поражения КПК и нарастающей угрозы со стороны Токио эскалация напряженности в отношениях с Гоминьданом была крайне невыгодной для Кремля.

С 1934 г. СССР продолжал расширять свое присутствие в Синьцзяне так же, как и в других пограничных районах, где Москва имела повышенное влияние. Кремль стремился привести к власти в Северо-Западном Китае контролируемый режим. Реализация этого курса осуществлялась посредством четырех основных механизмов. Первым было официальное военное присутствие. Советские войска неоднократно использовались для поддержки Шэн Шицай в 1933–1934 гг. и позднее, в 1937 г. В их задачу входило подавление мятежей, с которыми Урумчи не мог справиться самостоятельно. Второй механизм был тесно связан с предыдущим. Он предполагал постоянное пребывание в Синьцзяне группы советских советников. С их помощью в провинции была организована структура органов госбезопасности, образцом для которой послужил НКВД СССР. С одной стороны, это позволяло стабилизировать положение урумчинского правительства, а с другой – создавало мощный инструмент для сбора разведанных и управления внутривластными процессами в регионе. Третий – идеологический механизм – заключался в корректировке пропаганды китайских властей, обращении к лозунгам национального и социального равенства, популярным среди тюркских народов Синьцзяна. Шэн Шицай позиционировал свой курс как защищающий интересы местного населения, в противовес проханьской политике Нанкина. В то же время это давало Москве возможность задействовать в Синьцзяне аппарат Коминтерна для продвижения коммунистических идей. Четвертым рычагом укрепления советского влияния в Синьцзяне была переориентация его экономики на СССР [14. Р. 154–155]. Этот механизм заслуживает особого внимания в силу исключительной важности для политики Москвы в отношении не только Урумчи, но и Нанкина.

Основные направления сотрудничества СССР с Синьцзяном были определены в начале 1935 г. специальной комиссией во главе с Л.М. Кагановичем, сформированной Политбюро ЦК ВКП(б). 22 марта 1935 г. Политбюро рассмотрело и утвердило предложения, подготовленные комиссией Кагановича [1. С. 62]. Первый пункт в комплексе реализуемых СССР мероприятий

посвящался вопросам внешней торговли. В структуре торгового оборота незначительно преобладали импортные операции. Среди ввозимых товаров предпочтение отдавалось хлопку, шерсти, коже, живому скоту и другой сырьевой продукцией, необходимой советской промышленности. Для синьцзянских коммерсантов предусматривались льготы и кредитование под низкий процент. В граничащих с Восточным Туркестаном регионах были организованы осенние ярмарки. НКВД поручалось снизить визовые пошлины для лиц, проживавших в Синьцзяне (одноразовой визы с 5 до 2 руб., многократной – с 30 до 10 руб.) [Там же. С. 63–64]. Кроме того, в 1934 г. Урумчи были предоставлены займы в размере 5 млн руб., а в 1937 г. – 15 млн [14. Р. 154]. Для оздоровления экономики и укрепления провинциальной валюты также было предложено провести балансирование бюджета. С этой целью предусматривались сокращение затрат в административной и военной отраслях, централизация налоговых операций, реконструкция местного банка, ужесточение борьбы с фальшивомонетничеством.

В предложениях комиссии также были затронуты вопросы развития промышленности и транспорта региона. Планировалась организация автосообщения между СССР и Синьцзяном, увеличение грузоперевозок с использованием речной сети региона. В части товарного кредита регулировались вопросы поставок СССР оборудования для строящихся и реконструируемых в Синьцзяне промышленных объектов. В 1935 г. за счет СССР на Северо-Западе Китая были начаты геологоразведочные работы. В первую очередь это касалось поисков месторождений олова, вольфрама и молибдена [1. С. 64]. Кроме того, в районе Туншанцзы, недалеко от южной границы Джунгарии, были открыты богатые залежи нефти. Быстрыми темпами там был построен нефтеочистительный завод, способный перерабатывать 50 тыс. т сырья в год [14. Р. 154]. В 1938 г. результатом поисковой работы стало обнаружение месторождений нефти вблизи г. Шихо. Для их освоения было создано смешанное советско-синьцзянское общество «Синьцзяннефть» [1. С. 66].

Укреплению контактов Москвы и Урумчи также способствовало принятое 11 сентября 1935 г. постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о предоставлении для синьцзянской молодежи в рамках особой квоты 15 мест в учебных заведениях Казахстана и Узбекистана, готовивших специалистов в области сельского хозяйства. В июне 1936 г. было дополнительно выделено 100 мест на административно-юридических факультетах вузов Средней Азии. В дальнейшем эта практика еще более расширилась. Всего в 1930-е гг. образование в СССР получили около 30 тыс. выходцев из Синьцзяна [Там же. С. 68].

К 1937 г. политика Кремля в отношении Синьцзяна дала свои результаты. Северо-запад Китая отчетливо вошел в сферу советского влияния. Авторитет и власть Национального правительства Чан Кайши оказались в регионе минимальны, в то время как позиции Москвы существенно окрепли. Был запущен процесс постепенной интеграции Восточного Туркестана в экономику центрально-азиатских республик СССР.

Европа, США и Япония, также имевшие стратегические интересы на Дальнем Востоке, наблюдали за действиями Москвы. Мировые информационные агентства регулярно выходили с сообщениями о событиях в Синьцзяне. Преобладающим мотивом этих публикаций являлось обвинение Советского Союза в попытке «советизации» региона с целью его отторжения от Китайской Республики. Увеличение такого рода заявлений отчетливо прослеживается в 1935 г., что соответствует росту политической активности СССР в регионе.

31 августа 1935 г. «Фар Истерн Сервей» поместила на своих страницах статью, посвященную анализу экономических отношений СССР и Синьцзяна. В публикации указывалось, что объем их внешней торговли за 1934 г. по сравнению с 1933 г. сократился в ценностном выражении на 2/3, тогда как по тоннажу советский экспорт в Синьцзян увеличился. Это объяснялось падением цен. По итогам первого квартала 1935 г. относительно аналогичного периода 1934 г. экспорт из Синьцзяна упал с 1,3 млн руб. до 527 тыс., в то время как импорт увеличился с 60 тыс. до 823 тыс. руб. [15. Л. 118]. Такая структура торгового баланса, по мнению «Фар Истерн Сервей», не была выгодна для Урумчи. Синьцзян оказывался в зависимости от советского импорта, тогда как доля региона во внешнеэкономической деятельности СССР оставалась незначительной (3,5% в 1933 г., 1,6% в 1934 г.) [Там же. Л. 117].

Военное взаимодействие Москвы и Урумчи также не осталось без внимания прессы. 25 июля 1935 г. Бюллетень японской военной миссии в Тяньцзине заявил об увеличении числа советских военных советников при дубане с 2 до 5 чел., окончании прокладки автодороги Урумчи–Хами, строительстве авиационных ремонтных мастерских в Хами, Урумчи и Чанши [Там же. Л. 116]. 13 августа того же года Тяньцзинский корреспондент «Демпо Цусин» сообщил о создании в Синьцзяне при помощи СССР 15 аэродромов [Там же. Л. 113].

Однако некоторые статьи носили откровенно провокационный характер, а представленная в них информация не соответствовала действительности. Так, в январе 1935 г. японское агентство «Кокуцу» распространило информацию, согласно которой «только в районе Или имеется около 26 тыс. регулярных войск, а в районе между Или и Урумчи расположено 10 тыс. войск» [16. Л. 72]. Несколько позже «Маньчжурия Дейли Ньюс» опубликовала еще менее реальные цифры, сообщив, что «в различных пунктах Синьцзяна расположены отряды Красной Армии в количестве 110 тыс. человек, включая 8 тыс. в Урумчи» [15. Л. 62]. Такого рода заявления в целом негативно отражались на советско-китайских отношениях. Представляя советское присутствие в Синьцзяне как доказательство экспансионистской политики Кремля, они преследовали цель сформировать в международном общественном мнении отрицательное отношение к СССР, усилить недоверие Нанкина к Москве.

В рассматриваемый период европейские державы и США искали средство направить агрессию Токио на север против СССР, обезопасив таким образом собственные коммерческие интересы в Поднебесной и Юго-

Восточной Азии. Япония могла использовать информацию в прессе как предлог для оправдания наращивания собственной группировки в Маньчжурии. Результатом этого стало появление в 1935 г. целого ряда пропагандистских публикаций. В частности, 3 марта газета «Бейпин кроникл» сообщила, что «препятствия, чинимые иностранцам в Синьцзяне, есть неоспоримый факт» [Там же. Л. 68]. С конца марта по начало мая заявления о фактическом отделении Синьцзяна от Китайской Республики и его переходе под контроль советской Красной Армии сделали агентства «Морнинг Пост», «Ригаше Рундшау» и «Ассошиэйтед пресс» [Там же. Л. 66, 70, 75]. 25 сентября того же года японская газета «Мияко» в передовице отмечала, что «независимость Синьцзяна является большой победой для СССР, который издавна прилагал все усилия к большевизации этой провинции» [Там же. Л. 123].

Однако западные аналитики не отрицали существенного влияния «японского фактора» на политику СССР. Подробно на вопросе о причинах, побуждавших СССР проникать в Синьцзян, сконцентрировался журналист «Таймс» П. Флеминг. В статье от 16 декабря 1935 г. он утверждал, что присутствие советских военных советников при ставке дубаня являлось противовесом проникновению в Урумчи военной миссии Квантунской армии и окружению коммунистической Монголии. Флеминг также не исключал возможности использования СССР Восточного Туркестана в качестве пути сообщения с китайскими Красными Армиями в Западном Китае [17. Л. 17]. Развивая свою мысль в публикации от 18 декабря 1935 г., автор отмечал, что Москва не нуждается в интенсивной советизации или оккупации Синьцзяна, поскольку имела достаточное влияние в регионе при сохранении формальной подчиненности провинциального правительства Нанкину. Подтверждение наличия политических мотивов в действиях Кремля Флеминг видел в низкой экономической эффективности взаимодействия Москвы и Урумчи. По мнению журналиста, «СССР расходовал на Синьцзян гораздо более того, что он получал из Синьцзяна». При этом Флеминг ссылаясь на стоимость содержания «двух консулств с большим штатом и нескольких крупных торговых агентств», а также на «обильные расходы на секретную службу» [Там же. Л. 18]. Ранее аналогичная мысль была высказана А. Дюбоском в статье от 19 ноября 1935 г. для французской газеты «Тан»: «Нет сомнения, что действия Японии в Маньчжурии в сильной степени подстрекнули другие державы к экспансии на ДВ. Англичане утвердились в Тибете, а СССР попытался сделать то же самое в Синьцзяне» [Там же. Л. 11]. Таким образом, при резком и в целом недоброжелательном отношении к активной политике Москвы в Северо-Западном Китае журналисты ведущих информационных агентств того времени признавали, что советское военное и экономическое присутствие в регионе было продиктовано государственными интересами СССР.

С началом летом 1937 г. японо-китайской войны позиции Советского Союза в Синьцзяне еще более окрепли. По емкому выражению журнала «Чайна эт Уор», подвергшись агрессии и столкнувшись с опас-

ностью утраты суверенитета, «Китай обратился к своему черному ходу» [18. Л. 297]. Синьцзян стал транзитным регионом в начатой СССР операции «Z» – программе широкомасштабной помощи Народно-Революционной армии (НРА). После блокады японскими войсками морского побережья дорога Сары-Озек–Урумчи–Ланьчжоу⁴ стала основной линией для транспортировки в Китай техники, оружия и боеприпасов из СССР. Только в 1937–1938 гг. суммарный объем перевозок превысил 10 тыс. т, а к концу 1941 г. составил около 30 тыс. т различных грузов и 5 тыс. чел. [20]. Параллельно для перегона самолетов, доставки специалистов и срочных отправок была создана авиационная трасса Алма-Ата–Ланьчжоу. Поскольку бесперебойное авто- и авиасообщение обеспечивалось советскими специалистами, а поставки военных материалов осуществлялись за счет кредитов СССР, Москва получила дополнительный рычаг давления как на Нанкин, так и на Урумчи.

Более того, перед СССР открывалась возможность постепенного проникновения за пределы Синьцзяна, в соседние провинции. В частности, в статье шанхайского корреспондента «Нью-Йорк Таймс» от 5 апреля 1938 г. было представлено подробное описание обстановки в конечном пункте магистрали, связывавшей СССР и Китай. Со слов группы англичан, посетивших Ланьчжоу, корреспондент отметил, что за время войны город превратился в важный центр снабжения Китая оружием из СССР через провинцию Синьцзян: «В хороший порядок приведена дорога Урумчи–Ланьчжоу, которая до войны не была пригодна для регулярных перевозок. <...> Построено 5 аэродромов, на которые прибывают советские самолеты. По подсчетам живущих в Ланьчжоу иностранцев, в Китай через Ганьсу за время войны прибыло 300–400 советских самолетов. <...> В городе много советских и китайских летчиков и инструкторов-механиков. Они свободно разгуливают по улицам и очень свободно тратят деньги. <...> Коммунисты с согласия местных властей свободно ведут среди населения работу, призывая народ к сопротивлению Японии» [21. Л. 37–38].

В ситуации, когда японские ВВС господствовали в небе Китая, а сухопутная группировка при поддержке ВМФ развивала наступление вдоль береговой линии, блокируя порты и устанавливая свой контроль над крупнейшими промышленными центрами страны, Чан Кайши был вынужден мириться с распространением советского влияния в Восточном Туркестане. Эта уступка гоминьдановского правительства Москве была продиктована зависимостью боеспособности НРА от закупок военных материалов на внешнем рынке. Кроме того, руководство Гоминьдана рассчитывало на неизбежность конфликта между СССР и Японией, и следовательно, конфронтация с северным соседом не была выгодна для Чан Кайши. Сохранение советского присутствия в Синьцзяне не представляло такой опасности, как потеря потенциального союзника в противостоянии с Токио.

Что касается Шэн Шицай, то он также был заинтересован в благожелательном отношении Москвы, поскольку Кремль оказывал его режиму прямую силовую поддержку. Это выражалось в помощи по пресечению

мусульманских антиправительственных выступлений в провинции. Так, в апреле–сентябре 1937 г. в операции на территории Китая были задействованы Ошская и Нарынская кавалерийские группы военнослужащих Среднеазиатского военного округа (по два полка – Красной Армии и НКВД) общей численностью 2 692 чел., усиленные 12 единицами бронетехники и артиллерией [2. С. 37]. В их задачи входило подавление мятежа уйгур под руководством М. Сичжана, поддержанного 36-й дунганской дивизией. Однако и после успешной ликвидации повстанческих формирований советские войска находились в Синьцзяне до середины января 1938 г., обеспечивая Шэн Шицаю дополнительную гарантию сохранения власти [Там же. С. 40].

Сложившийся баланс сил в интересах СССР, ГМД и синьцзянской администрации Москва использовала в собственных интересах. Увеличивался объем товарооборота между СССР и Синьцзяном. Согласно данным, опубликованным в статье Сунь Жунюаня «Синьцзянский вопрос» для декабрьского номера журнала Тяньшань за 1934 г., уже на тот период времени СССР принадлежало 80% торгового оборота провинции, внутреннему Китаю – 15%, Индии и другим странам – только 5% [16. Л. 102]. Это достаточно красноречиво говорило о том, насколько торговля Синьцзяна контролировалась СССР. Параллельно с ростом экономической интеграции в Восточном Туркестане возрастало число советских советников.

В 1938 г. Национальное правительство Китая обратилось к Москве с просьбой о строительстве авиасборочного предприятия на своей территории. Проект был реализован уже в конце 1940 г. В короткий срок в районе г. Хами (по другим данным – в 40 км от Урумчи) приступил к работе самолетостроительный завод № 600, ориентированный на сборку истребителей типа И-16 [22. С. 234]. В основном производстве было задействовано 67 специалистов из СССР. При заводе работали электростанция, кислородная и ацетиленовая станции, топливная база, подсобное хозяйство, компрессорная, кузница, литейная мастерская и другие элементы инфраструктуры, обеспечивавшие вспомогательные процессы. На 1941 г. предприятия был определен план по сборке 143 истребителей И-16. К 6 августа того года завод выпустил 71 самолет [Там же. С. 236]. По данным, представленным в исследовании Дж. Гарвера, охрану завода осуществляло подразделение РККА численностью 1,5 тыс. чел., имевшее на вооружении 20 танков. Это позволило СССР усилить свое присутствие в регионе [14. Р. 161].

Кроме того, в 1940 г. Советскому Союзу удалось добиться расширения прав в сфере разработки месторождений полезных ресурсов в Синьцзяне. 26 августа 1940 г. Шэн Шицай подписал «соглашение о добыче», передававшее преимущественное право освоения запасов «вспомогательных минералов» сроком на 30 лет совместной советско-синьцзянской компании. Контроль над деятельностью указанной организации осуществляла Москва [Ibid. P. 162].

Таким образом, следует констатировать, что на протяжении 1931–1940 гг. СССР проводил политику активного экономического и политического проник-

новения в Синьцзян с целью скрытой «советизации» региона. Комплекс мероприятий, предполагавший оказание силовой поддержки режиму Шэн Шицая, пребывание в Урумчи миссии военных советников, активную интеграцию провинции в систему внешнеэкономических связей СССР, сопровождавшийся идеологической работой в армии и среди гражданского населения, позволил Москве временно включить Восточный Туркестан в зону своего влияния. Несмотря на то, что с 1939 г.

основное внимание НКВД было обращено к событиям в Европе, а значение Синьцзяна в обеспечении национальных интересов в области обороны и безопасности СССР на Дальнем Востоке стало постепенно снижаться, Москва сохраняла позиции в Северо-Западном Китае вплоть до начала 1940-гг. Точкой отсчета для последующего изменения баланса сил в регионе послужило начало в 1941 г. Великой Отечественной войны и войны на Тихом океане.

Примечания

¹ Дубань – с 1924 г. официальное наименование должности провинциальных губернаторов Китая, объединявших в своих руках гражданскую и военную власть.

² Подробнее о периоде установления в Синьцзяне режима Шэн Шицая см.: [6].

³ О группе полковника Паппенгута и других подробнее см.: [9].

⁴ Подробнее о реализации операции «Z» и функционировании автотрассы Сары-Озек–Урумчи–Ланьчжоу см.: [19].

Список источников

- Гасанлы Дж.П. Синьцзян в орбите советской политики: Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане (1931–1949) / пер. с азерб. Ф. Гаджиева. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016. 360 с.
- Мильбах В.С., Павлович С.Л. 1937-й: тайный бросок в Синьцзян // Военно-исторический журнал. 2018. № 11. С. 36–40.
- Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.
- Север А. Спецназ КГБ. Гриф секретности снят! М.: Яуза; Эксмо, 2012. 800 с.
- Бармин В.А. Советская и зарубежная печать о соперничестве Советского Союза и великих держав в Синьцзяне в 1930-х гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 4 (80), т. 2. С. 26–30.
- Бармин В.А. Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1931–1934 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 6. С. 91–103.
- Окорок А.В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М.: Вече, 2013. 336 с.
- Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / под ред. А.В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. 704 с.
- Балмасов С.С. Белоземляне на военной службе в Китае. М.: Центрополиграф, 2007. 559 с.
- Паршев А.В., Степаков В.Н. Когда началась и закончилась Вторая мировая. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 576 с.
- Русско-китайские отношения в XX в.: материалы и документы / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2010. Т. 3: Советско-китайские отношения, сентябрь 1931 – сентябрь 1937. 861 с.
- Мировицкая Р.А. Советский Союз и Китайская Республика. 1930-е годы, проблемы внутривосточной стабильности в Китае // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне: сб. материалов науч. конф., организованной Институтом Дальнего Востока РАН и Китайским институтом международных исследований МИД КНР. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 18–29.
- Галенович Ю.М. Два генералиссимуса: И.В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2008. 372 с.
- Garver J.W. Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. The Diplomacy of Chinese Nationalism. New York; Oxford: Oxford University Press, 1988. 301 p.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 60.
- ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 19.
- ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 25.
- ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 380.
- Волкова И.В. Автотрасса «Z» в организации советской помощи Китаю в 1937–1941 гг. // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния: материалы VI заочной Междунар. науч.-практ. конф., Благовещенск, 27–31 октября 2014 г. / под ред. Н.Л. Глазачевой, О.В. Залеской. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2014. С. 10–15.
- Горбачев Б.Н. Москва и Пекин: плечо к плечу в кровавых битвах // Независимое военное обозрение. 2011. 30 сент. URL: http://nvo.ng.ru/history/2011-09-30/14_china.html (дата обращения: 06.02.2017).
- ГАРФ. Ф. Р-4459. Оп. 28. Д. 249.
- Мухин М.Ю. Советский авиазавод в Синьцзяне. 1930–1940-е годы // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 234–236.

References

- Hasanly, J.P. (2016) *Sin'tszyan v orbite sovetskoy politiki: Stalin i musul'manskoe dvizhenie v Vostochnom Turkestane (1931–1949)* [Xinjiang in the orbit of Soviet politics: Stalin and the Muslim movement in East Turkestan (1931–1949)]. Translated from Azeri by F. Hajiyev. 2nd ed. Moscow: FLINTA.
- Milbakh, V.S. & Pavlovich, S.L. (2018) 1937-y: tayny brosk v Sin'tszyan [1937: a secret advance into Xinjiang]. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 11. pp. 36–40.
- Nepomnin, O.E. (2005) *Istoriya Kitaya: Epokha Tsin. XVII – nachalo XX veka* [History of China: The Qing Dynasty. The 17th – early 20th century]. Moscow: Vost. lit.
- Sever, A. (2012) *Spetsnaz KGB. Grif sekretnosti snyat!* [The KGB special forces. The seal of secrecy has been lifted!]. Moscow: Yauza; Eksmo.
- Barmin, V.A. (2013) *Sovetskaya i zarubezhnaya pechat' o sopernichestve Sovetskogo Soyuza i velikikh derzhav v Sin'tszyane v 1930-kh gg.* [Soviet and foreign press about the rivalry between the Soviet Union and the great powers in Xinjiang in the 1930s]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4-2(80). pp. 26–30.
- Barmin, V.A. (1999) *Sin'tszyan v istorii sovetsko-kitayskikh otnosheniy v 1931–1934 gg.* [Xinjiang in the history of Soviet-Chinese relations in 1931–1934]. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 6. pp. 91–103.
- Okorokov, A.V. (2013) *V boyakh za Podnebesnyu. Russkiy sled v Kitae* [In the battles for the Celestial Empire. The Russian trace in China]. Moscow: Vechе.
- Lukin, A.V. (2013) *Rossiya i Kitay: chetyre veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiysko-kitayskikh otnosheniy* [Russia and China: four centuries of interaction. History, current state and prospects for the development of Russian-Chinese relations]. Moscow: Ves' Mir.

9. Balmasov, S.S. (2007) *Beloemigranty na voennoy sluzhbe v Kitae* [White emigrants in military service in China]. Moscow: Tsentrpoligraf.
10. Parshev, A.V. & Stepanov, V.N. (2007) *Kogda nachalas' i zakonchilas' Vtoraya mirovaya* [When did World War II start and end?]. Moscow: Yauza; Eksmo.
11. Tikhvinskiy, S.L. (ed.) (2010) *Russko-kitayskie otnosheniya v XX v.: materialy i dokumenty* [Russian-Chinese relations in the twentieth century: materials and documents]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.
12. Mirovitskaya, R.A. (2012) Sovetskiy Soyuz i Kitayskaya Respublika. 1930-e gody, problemy vnutripoliticheskoy stabil'nosti v Kitae [Soviet Union and Republic of China. The 1930s, problems of internal political stability in China]. In: *Rol' SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedy vo Vtoroy mirovoy voyne* [The role of the USSR and China in achieving victory in World War II]. Moscow: RAS. pp. 18–29.
13. Galenovich, Yu.M. (2008) *Dva generalissimusa: I.V. Stalin i Tszyan Chzhunchzhen (Chan Kayshi)* [Two generalissimos: I.V. Stalin and Jiang Zhongzheng (Chiang Kai-shek)]. Moscow: RAS.
14. Garver, J.W. (1988) *Chinese-Soviet Relations, 1937–1945. The Diplomacy of Chinese Nationalism*. New York; Oxford: Oxford University Press.
15. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4459. List 28. File 60.
16. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4459. List 28. File 19.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4459. List 28. File 25.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4459. List 28. File 380.
19. Volkova, I.V. (2014) Avtotrassa “Z” v organizatsii sovetskoy pomoshchi Kitayu v 1937–1941 gg. [Highway “Z” in the organization of Soviet aid to China in 1937–1941]. In: Glazacheva, N.L. & Zaleskaya, O.V. (eds) *Rossiya i Kitay: aspekty vzaimodeystviya i vzaimovliyaniya* [Russia and China: aspects of interaction and mutual influence]. Blagoveshchensk: BSPU. pp. 10–15.
20. Gorbachev, B.N. (2011) Moskva i Pekin: plecho k plechu v krvavykh bitvakh [Moscow and Beijing: shoulder to shoulder in bloody battles]. *Nezavisimoe voennoe obozrenie*. 30th September. [Online] Available from: http://nvo.ng.ru/history/2011-09-30/14_china.html (Accessed: 6th February 2017).
21. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-4459. List 28. File 249.
22. Mukhin, M.Yu. (2004) Sovetskiy aviazavod v Sin'tszyane. 1930–1940-e gody [Soviet aircraft factory in Xinjiang. 1930–1940s]. *Novaya i noveyshaya istoriya – Modern and Contemporary History*. 5. pp. 234–236.

Сведения об авторах:

Волкова Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, методист факультета среднего профессионального образования Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия). E-mail: mlee1992@mail.ru

Иванов Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и права Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Комсомольск-на-Амуре, Россия). E-mail: sir.vv-ivanov@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Irina V. Volkova – PhD in History, Methodist Department of Secondary Vocational Education, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation). E-mail: mlee1992@mail.ru

Valery V. Ivanov – PhD in History, Associate Professor at the Department of History, Philosophy and Law, Amur State University of Humanities and Pedagogy (Komsomolsk-on-Amur, Russian Federation). E-mail: sir.vv-ivanov@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2019; принята к публикации 07.09.2022

The article was submitted 31.01.2019; accepted for publication 07.09.2022